

Разрешение и обязанность в структуре субъективного гражданского права (обязательственного)

Субъективное право, прежде всего, предоставляет определенную свободу поведения личности, которая обеспечивается ей обществом и государством. «Имею право» означает для субъекта его возможность поступить определенным образом. Такая возможность специально обеспечивается управомоченному субъекту. При этом субъективное право является продуктом социальной жизни и выступает как элемент саморегуляции общества, оно появляется в процессе эволюционного становления и развития общественных отношений, совершенствования системы общественной организации.

Ведущий специалист юридического департамента АО «КазТрансГаз Дистрибьюшн» *Н. А. Саякбаев* высказывает свою точку зрения в отношении понятийного аппарата данной правовой нормы.

Относительно субъективного права говорят, что «оно связано с субъектом общественных отношений как его наличное право, представляющее ему возможность активно действовать, пользоваться и участвовать в создании социальных благ. Это и послужило поводом именовать субъективное право «субъективным», т.е. принадлежащим субъекту»^[1].

Первоначально социальные права не выступали в качестве юридических прав. Об обеспеченной свободе поведения говорят, что социальная свобода как мера возможного поведения - это наличное право индивида в общесоциальном смысле, то есть неюридическое право. «У общесоциального и юридического права, - заключает Л. А. Сивкова, - адекватная социальная природа, единая «предметная» субстанция - объективно необходимая и социально оправданная мера свободы поведения».

Предполагается, что первоначально социальные нормы выступали как модели *должного* поведения (обычаи и т.п., как обязанности), в качестве примеров, которым нужно было следовать. При этом социальное регулирование опиралось в основном на механизмы положительной реакции общества на одобряемые действия и отрицательной реакции на неодобряемые. В отсутствие сложной системы социальных норм, обеспечение свободы поведения субъекта могло быть осуществлено *только лишь* отсутствием негативной и наличием позитивной общественной реакции (социальной ответственности).

Да и необходимость *специального обеспечения* свободы поведения субъекта, т.е. необходимость субъективного права, по видимости, появляется позже, с развитием и усложнением общественных

отношений и уклада жизни. Так, Л.А. Сивкова отмечает: «С общественным разделением труда К. Маркс связывал серьезные изменения в обществе, а именно, неравное распределение труда и его продуктов, появление имущественного неравенства, противоречие между интересом отдельного индивида и общим интересом всех членов общества, обособление индивида путем получения им определенного *исключительного круга деятельности*»[2] (выделено мной - Н.С.). Таким образом, субъективное право с присущим ему *специальным обеспечением* свободы поведения, как элемент общественной саморегуляции могло формироваться уже *позже* применения тех социальных норм, которые обязывали и запрещали, то есть после применения субъективной обязанности.

Юридическая специфика субъективного права раскрывается через его связь с государством, а также через объективирование норм права в писаных законах. В своих предписаниях законодательство устанавливает и субъективные права - возможное поведение, и также юридические обязанности - должное и необходимое поведение. При этом, субъективное право реализуется по инициативе и воле управомоченного, а исполнение обязанности требует еще и внешний фактор, вызывающий необходимость исполнения (под угрозой ответственности или из общего уважения к праву, общественному порядку, или привычки следовать определенным моделям поведения сложившимся в общественной среде и пр.). В общем, применение методов объективного права, выступающего при формировании мотивов поведения личности как внешний фактор (воля государства и общества), становится необходимым при установлении и реализации, в первую очередь, обязанностей. Эти же субъективные юридические обязанности используются *для обеспечения субъективных прав*, когда обязанности налагаются на третьих лиц для обеспечения возможности определенного поведения управомоченного субъекта.

Метод правового регулирования, в своей основе, опирается на установление разного рода обязанностей для тех или иных лиц, и в существующей системе субъективных юридических обязанностей можно различать следующие элементы, образующие субъективные права. Во-первых, как противоположность субъективным обязанностям субъективное право фактически означает отсутствие запрета (т.е. разрешение) на осуществление конкретного правомочного действия. Именно этот момент определяет основное в содержании понятия субъективного права - то, что субъективное право предоставляет субъекту правомочие - *разрешение* на собственное инициативное действие. «Субъективная сторона осуществления гражданских прав составляет социально-психологический (внутренний) механизм, с помощью которого нормативные предписания объективируются в правомерном поведении»[3].

Во-вторых, правомочие субъекта юридически обеспечивается таким образом, что предоставляет ему реальную свободу правомочного поведения. Такое юридическое обеспечение субъективного права выражается через определенные обязанности, налагаемые на других лиц или освобождение от тех или иных существующих обязанностей правомочного субъекта. К примеру, при наличии общей позитивной обязанности или общего запрета для круга лиц, управомоченный субъект, входящий в этот круг, может быть освобожден от такой обязанности, которая мешает осуществлению субъективного права. В обеспечение субъективного права, на других лиц-контрагентов (в том числе и государство) могут быть наложены соответствующие правомочию обязанности, позволяющие управомоченному субъекту реализовать свое право, защитить его. Кроме того, может признаваться обязанность для всех других лиц (неопределенного круга лиц) не препятствовать осуществлению управомоченным лицом его субъективного права (т.е. обязанность не совершать таких действий, которые бы препятствовали осуществлению субъективного права).

При этом если обеспечивающие субъективное право обязанности и освобождения от общих обязанностей не всегда формулированы отдельно юридическими нормами, то само по себе субъективное право, в ряде случаев, может предполагать и устанавливать своим действием конкретные обязанности на определенных субъектов или конкретные освобождения от обязанностей. Например, если установлено, что все заинтересованные лица вправе ознакомиться с уставом юридического лица (п. 7 ст. 41 Гражданского кодекса РК), это предполагает обязанность, в частности юридического лица, предоставить заинтересованному лицу устав для ознакомления. Когда норма права не детализирует такое юридическое обеспечение, вытекающее из самого правомочия как такового, и какие именно обязанности и на каких лиц оно налагает или от каких обязанностей оно освобождает управомоченного - ответы на эти вопросы могут быть оказаться разными для каждого конкретного вида субъективного права.

«Законодатель путем установления в правовых нормах субъективного права (и юридической обязанности) непосредственно определяет основные направления и виды деятельности людей, объем социальных возможностей, гарантированных законом. Вместе с тем установление нормативными актами государства или судебной практикой рамок юридической свободы не означает ограничения свободы личности..., а главным образом определяет границы юридической обеспеченности, защиты государством этой свободы»[4].

Итак, субъективное право содержит в себе такой элемент как *разрешение на действие* и кроме этого, юридическое обеспечение разрешенного действия. При этом разрешение является основным элементом в субъективном праве.

Вместе с тем, доктрина отмечает, что наряду с субъективными правами лица могут принадлежать законные интересы, которые также юридически обеспечиваются их обладателю, и законные интересы являются отличными от субъективных прав. Являются ли законные интересы и субъективные права различными правовыми явлениями, и что их определяет как самостоятельные? В.А. Ойгензихт пишет: «мы полагаем, что, несмотря на указание в ряде нормативных актов на двуобъектность защиты, эти объекты связаны друг с другом, но соотносятся иным образом, поскольку находятся в различных плоскостях. Интересы гражданина, юридического лица выступают в качестве детерминантов регуляции поведения. Они определяют целенаправленность поведения на достижение соответствующих результатов. Правомерные интересы, как предусмотренные в нормах, так и не противоречащие им, охраняются законом, являются охраняемыми интересами.

Субъективное право выступает как мера возможного поведения, определяя установленную законом или не противоречащую ему возможность реализации, удовлетворения интересов. В этом - взаимодействие интересов и субъективных прав. Право дает возможность удовлетворять интересы. ... Таким образом, права и интересы - взаимосвязанные, но не однопорядковые категории. Интересы, в том числе и видоизмененные, всегда могут быть реализованы в правовой форме - в виде осуществления права»[5].

В.А. Ойгензихт правильно отмечает, что интересы и субъективные права взаимосвязанные, но не однопорядковые категории. Следует еще выделить, что субъективное право в качестве первого и необходимого элемента содержит разрешение на определенное действие, и оно юридически обеспечивает это правомочное действие (правомерное поведение). А интересы, наряду с тем, что реализуются посредством действий, могут также реализоваться и когда для этого не требуется никаких активных действий заинтересованного. Сам по себе интерес еще не предполагает необходимость действий, а выражает лишь некоторую заинтересованность лица в тех или иных результатах, предполагает полезность этих результатов для субъекта. Таким образом, в принципе, удовлетворение охраняемого законом интереса субъекта, может быть реализовано без необходимости активных действий этого субъекта, а, следовательно, и без необходимости юридического обеспечения таких действий.

Субъективное право определяется как обеспеченная законом мера возможного поведения гражданина или организации, направленная на достижение цели, связанной с удовлетворением их интересов (выделено мной - Н.С.).[6] Отсюда можно сделать вывод о том, что удовлетворение интереса не требует наличия субъективного права, в

тех случаях, когда удовлетворение интереса реализуется без активных действий субъекта.

В то же время, законные интересы требуют юридических средств их охраны, но видение в субъективном праве в качестве необходимого элемента - разрешение на активное действие, не позволяет нам признать, что таким юридическим средством всегда может выступать субъективное право. Возможно, что потребностью распространить действие субъективных прав на все охраняемые законом интересы вызвано стремление выделить за пределы субъективного права разрешение на активное действие, что можно видеть в выражении «субъективное право представляет собой не меру возможного поведения управомоченного, а определенную законом возможность удовлетворения субъективного интереса»[7].

Мы разделяем позицию, что само разрешение на активное действие субъекта играет существенную роль в структуре гражданского права. Субъективное право по сути представляет собой систему юридического обеспечения действий, и в этой системе разрешение действия необходимо. Исключить из субъективного права разрешение на действие и обеднить юридическую защиту интересов, реализуемых посредством действий субъекта, только для того, чтоб распространить понятие субъективного права на средства юридической защиты интересов, реализуемых без действий субъекта, на наш взгляд было бы ошибкой.

Итак, видно, что интересы не всегда могут быть реализованы в виде осуществления права. В чем же тогда заключается охрана законного интереса, реализуемого без активных действий субъекта? На наш взгляд, кроме субъективного права может существовать и *юридическая свобода* как юридическое обеспечение законного интереса (например, свобода пользования). Не о субъективном праве, а о *юридической свободе* мы говорим тогда, когда этой свободой обеспечивается не действие, а только интерес. Здесь первого элемента - разрешение на действие - не наблюдается, так как нет в наличии обеспечиваемого действия. Но здесь имеется другой элемент - юридическое обеспечение, путем наложения обязанностей на других субъектов[8].

Итак, вместо одного субъективного права, выделяем разные юридические средства, в числе которых: субъективное право и свобода осуществления интереса.

Кроме того, вообще всякие субъективные права, помимо того, что они выражают собой правомочие - разрешение и свободу определенного поведения, они могут включать в себя обязанность управомоченного лица принять исполнение, то есть обязанность надлежащим образом осуществить свое субъективное право. Так, например, Гражданский кодекс Республики Казахстан (далее - ГК РК) в статье 268 раскрывает понятие обязательства, при этом, указанная статья, вторым

предложением указывает: «кредитор обязан принять от должника исполнение». По сути, указанная обязанность представляет собой обязанность надлежащим образом реализовать принадлежащее право и на наш взгляд в этом качестве включается в состав субъективного гражданского права. Как будет показано далее, в ряде случаев, можно даже наблюдать как в одном и том же конкретном отношении субъективное право трансформируется из своего состояния без обязанности в субъективное право с обязанностью надлежащего осуществления. С позиций выделения в субъективном праве отдельно указанной обязанности мы постараемся рассмотреть некоторые моменты в субъективном праве.

Обязанности в гражданском праве, как правило, не могут быть наложены на лицо контрагентом в одностороннем порядке. При этом, следует отметить, что гражданское право, в принципе, допускает случаи наделения лица субъективными правами по воле других лиц и без выраженной воли на это управомоченного. Например, случаи наделения лица правами наследника по завещанию, субъективными правами по договору в пользу третьего лица, правами осуществлять действия от имени доверителя и другое. Здесь представление субъективного права другому лицу само по себе еще не налагает на последнего обязанности. И выражение воли (согласия) на такое управомочивание от этого лица не требуется. Но если субъективное право включает в себя обязанности для управомоченного субъекта, то в этих случаях для приобретения им субъектного права обязательно требуется выражение его воли. Г.Я. Стоякин со сноской на С.С. Алексеева пишет: «С.С. Алексеев, рассматривая односторонне управомочивающие сделки по распоряжению правом, считает, что они «непосредственно... не могут возлагать на иных лиц какие-либо юридические обязанности»[9]. Здесь должен иметь место договор с участием и обязанного и управомоченного. Например, для приобретения права собственности или прав участника юридического лица нужно выражение воли на это приобретающего субъекта. «Но такая сделка (односторонняя - *Н.С.*) не может возложить обязанности на третьих лиц, кроме тех обязанностей, которые возникают из предоставляемых прав (например, завещательный отказ - ст. 1057 ГК РК)»[10].

И в самом деле, наделение лица какими-либо обязанностями по воле только лишь других субъектов - противоречило бы духу и принципам гражданского права. В силу этих принципов, субъективные права лиц, управомоченных односторонней сделкой и без их воли не предполагают для них обязанности надлежащего исполнения этих прав. Так, представитель по доверенности, выданной доверителем без согласия на то поверенного, в принципе, не обязан выполнять действия от имени доверителя. Точно также, к примеру, и третье лицо, в пользу которого

заключен договор между сторонами (ст. 391 ГК РК), без выражения на то своей воли, в принципе, не обязано пользоваться приобретенным субъективным правом. А также лицо, получившее оферту, хотя имеет право, но не обязано давать акцепт на оферту.

Статьей 170 ГК РК предусмотрена возможность поверенного и доверителя отказаться от доверенности (отменить ее). «Выдача доверенности относится к односторонним сделкам, поэтому лицо, выдавшее доверенность, может во всякое время отменить доверенность или передоверие, а лицо, которому выдана доверенность отказаться от нее»[11]. Однако для случаев, когда имеет место договор между поверенным и доверителем, тогда законодательство фактически предусматривает исключение из этого правила. Так, предусмотрена гражданско-правовая ответственность, в частности, возмещением убытков, причиненных вследствие неисполнения договора в результате отказа (отмены) от доверенности. Такую ответственность несет доверитель в случае *прекращения договора с поверенным*, действующим в качестве предпринимателя, и поверенный в случаях отказа, когда доверитель лишен возможности иначе обеспечить свои интересы, а также, если поверенный действует в качестве предпринимателя (п. 2, п. 3 ст. 853 ГК РК).[12]

Говоря об обязанностях представителя использовать свое право мы должны видеть и отделять друг от друга 1) обязанность вообще выполнить от имени доверителя те или иные поручаемые действия, и 2) обязанность выполнять эти действия в интересах доверителя, т.е. его обязанность *осуществить свое право надлежащим образом*. По описанной выше логике, доверенность в форме односторонней сделки не вызывает таких обязанностей у поверенного. А возможность отказа поверенного от доверенности может нам указывать на то, что *при отсутствии воли представителя* на совершение действий от имени доверителя, представитель *не будет нести обязанность* исполнения этих действий. Соответственно, с другой стороны, *наличие у представителя обязанности* надлежащего осуществления правомочных действий может указывать на *наличие его выраженной воли, на осуществление этих действий*.

Однако, даже в тех случаях, когда доверенность письменно оформлялась в форме *односторонней сделки*, мы можем видеть, что представитель, осуществляя действия от имени доверителя *обязан* выполнить их *надлежаще*, то есть в интересах представляемого. И здесь мы зададимся вопросом: когда же представитель выразил свою волю осуществить свое право, выступить от имени представляемого и выполнить поручаемые действия? Во всяком случае, его воля была выражена тогда, когда он фактически предпринял действия от имени представляемого. Осуществление действий можно рассматривать как нечто похожее на акцепт, офертой

одновременно являлась доверенность, и соответственно, здесь есть принятие обязанности. Итак, *если представитель осуществляет правомочные действия, тогда у него есть обязанность осуществлять их надлежащим образом.*

Здесь можно видеть различное состояние субъективного права представителя на разных стадиях. До осуществления правомочных действий (или иного выражения своего согласия на осуществление действий) у представителя есть субъективное право без обязанности воспользоваться этим правом. После такого выражения своей воли представитель в своем субъективном праве приобретает и обязанность пользоваться правом надлежащим образом. Теперь субъективное право приобретает свою законченную форму.

Аналогично этому можно наблюдать две стадии и в отношениях, когда сторонами заключается договор в пользу третьего лица, а также в отношениях оферента и акцептанта.

Относительно договора в пользу третьего лица, здесь диспозитивной нормой установлено: после того, как третьим лицом было выражено намерение воспользоваться своим правом по договору, после этого изменение и расторжение договора может осуществляться *только с согласия этого третьего лица (п. 2 ст. 391 ГК РК)*. В этом случае, если смотреть на субъектов договора по признаку выражения ими своей воли, то после выражения третьим лицом своего намерения воспользоваться правом (выражения воли) к числу сторон договора присоединяется это третье лицо. При таком подходе становится вполне объяснимым требование об обязательном наличии согласия третьего лица на изменение и расторжение договора.

Следовательно, из этого можно выявить, что признаки субъективного права как составляющего обязательственное правоотношение в смысле статьи 268 ГК РК, где кредитор обязан принять от должника исполнение, возникает только после того, как управомоченное лицо вступило в обязательство выражением своей воли воспользоваться правом. А в отношениях, когда управомоченное третье лицо еще не выражало своего намерения воспользоваться правом, тогда у него уже имеется субъективное право, но нет обязанности принять исполнение.

И в отношениях оферента и акцептанта, можно отметить, что оферент с момента получения оферты контрагентом уже связан офертой и субъективное право лица, получившего оферту, дать на нее акцепт реально обеспечивается юридически (п. 2 ст. 395, п. 1 ст. 397 ГК РК). Согласно п. 3 ст. 396 ГК РК акцептом, если иное не предусмотрено законодательством или не указано в оферте, также считается совершение лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в

ней условий договора (отгрузка товаров, предоставление услуг, выполнение работ, уплата соответствующей суммы и т.д.). В момент акцепта акцептант приобретает еще и обязанности принять исполнение по всем своим правам и обязанность совершить надлежаще всякие действия по договору, в том числе и те, осуществление которых послужило акцептом на оферту.

Здесь может возникнуть вопрос: существуют ли у акцептанта субъективные права по договору уже до совершения акцепта? С одной стороны, договор до акцепта еще не является заключенным. С другой, воля оферента уже выражена надлежащим образом, и для вступления в силу договора в надлежащей письменной форме достаточно лишь выполнения акцептантом действий по этому договору. Таким образом, акцептант уже до акцепта имеет не только право выразить свое согласие заключить договор, но он имеет право осуществить те или иные действия (а оферент несет обязанности, он связан офертой). На наш взгляд, оферта являет собой надлежащим образом выраженную волю одной из сторон потенциального договора предоставить контрагенту субъективные права и принять обязанности, и до истечения срока оферты она может рассматриваться как односторонняя сделка. А в случае акцепта и, в том числе, в случае исполнения контрагентом своих прав и обязанностей предписанных офертой, оферта трансформируется в договор.

Таким образом, во многих случаях мы можем видеть, что субъективное право, также как и субъективное право представителя по доверенности, претерпевает изменения и трансформируется из субъективного права без обязанности его надлежащего использования в субъективное право с такой обязанностью.

Следовательно, мы можем сделать следующий вывод и о гражданском субъективном праве вообще: ***гражданское субъективное право может включать в себя обязанность его надлежащего осуществления, а может, в других случаях, и не включать этой обязанности.***

Точно также и в вещном субъективном праве^[13], в частности в субъективном праве собственности можно видеть, что субъективное право включает в себе обязанность надлежащего его осуществления. Эта обязанность хорошо демонстрируется наличием гражданско-правовой ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности, как объектом права собственности. Соответственно из факта наличия ответственности можно сделать вывод о наличии общей обязанности осуществлять право собственности таким образом, чтобы не был причинен вред другим лицам, обязанности осуществлять право собственности надлежащим образом.

Итак, в структуре субъективного гражданского права предлагается выделять разрешение на действие субъекта, что отличает субъективное гражданское право от юридической свободы осуществления интереса, а также в структуре гражданского права, зачастую можно наблюдать обязанность реализации права надлежащим образом.

[1] Сивкова Л.А. Субъективное право (общетеоретические вопросы): Автореф. дис. канд. - Л., 1986. - С. 9.

[2] Сивкова Л.А. Субъективное право (общетеоретические вопросы): Автореф. дис. канд. - Л., 1986. - С. 10-11.

[3] Мирошникова Н.И. Механизм осуществления субъективных гражданских прав // Учеб. пособие. - Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1989. - С. 46.

[4] Кротов М.В. Правоспособность и субъективное право // Центр молодежной инициативы. Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. - Владивосток, 1989. - С. 13-14.

[5] Ойгензихт В.А. Формы обеспечения интересов субъектов гражданских правоотношений // Осуществление и защита гражданских и трудовых прав: Сб. науч. тр. - Краснодар: Изд. Кубан. гос. ун-та, 1989. - С. 18-19.

[6] Большой юридический словарь /Под ред. А.Я.Сухарева, В.Е.Крутских. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.:ИНФРА-М,2001. - Серия «Библиотека словарей «ИНФРА-М»). - С.595.

[7] Мотовиловкер Е. Я. К определению субъективного права // Центр молодежной инициативы. Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. - Владивосток, 1989. - С. 61.

[8] Об этом см.: Саякбаев Н.А. Право пользования или свобода пользования // Казахстанские реформы глазами студентов. Материалы межвузовской студенческой конференции «Жас Туран-98». - 10-11 апреля 1998 г. - Алматы: Университет «Туран», 1998. - С. 181-182; Саякбаев Н.А. Право воздействия на вещь и пользование ею // Казахстанское общество сегодня: социально-институциональные сдвиги и экономическое развитие // Материалы республиканской научно-практической конференции 30-31 октября 1998 г. - Алматы: Университет «Туран», 1998. - С. 225-227.

[9] Стоякин Г.Я. Защита абсолютного субъективного гражданского права // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР / Межвузовский сб. науч. тр. - Вып. 53. - Свердловск, 1977. - С. 62 со сноской на Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования / Сб. ученых тр. - Вып. 13. - Свердловск: СЮИ, 1970. - С. 57.

[10] Басин Ю.Г. Сделки // Учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. - Алматы: ВШП «Адилет», 1999. - С. 5.

[11] Рашидова З. Понятия и субъекты представительства // А.Г. Диденко, Ю.Г. Басин, О.С. Иоффе и др. Гражданское право // Учебное пособие. - Алматы: ИПЦ КазГЮУ, 1999. - С. 77.

[12] Потому, на наш взгляд, следует внести соответствующее изменение в п. 2 ст. 170 ГК РК и четко указать на возможные исключения для договорных отношений.

[13] Считаем, что вещные права не являются разновидностью субъективного гражданского права, но выступают явлениями другого ряда. Они называются субъективными лишь постольку, поскольку также относятся к субъекту права. Вещное право скорее является статусом хозяина в вещном отношении, нежели мерой поведения. Тем не менее, вещные права всегда включают в себя правомочия (субъективные права) и постольку имеют общие черты с обязательственными правами.

Саякбаев Н. Разрешение и обязанность в структуре субъективного гражданского права (обязательственного) // Юрист. - 2006.- № 1.- С. 51-55.